

Иван Пырьев.

Сила карамазовская

100-летие классика кинорежиссуры позволяет по-новому взглянуть на его судьбу

Столетие — такая дата, которая позволяет говорить о художнике не так, как принято это делать в формате некрологических текстов. Да и в статьях, пишущихся к прижизненным юбилеям мастеров: только хорошо, только с пафосом, только о триумфах. Вековая дата позволяет сказать об Иване Пырьеве не как о мертвом. Сегодня можно сказать все. И прежде всего следующее: автор солнечных комедий «Свинарка и пастух», «Трактористы», «Кубанские казаки» прожил благополучную, славную, но в сущности несчастную жизнь.

Иринеи В., —2001.

Юрий БОГОМОЛОВ

-17 ноября - с.8

Парадокс. То, что было сделано на заказ («Свинарка и пастух», «Богатая невеста», «Кубанские казаки», «Трактористы», «Сказание о земле Сибирской»), — живо, вновь и вновь собирает значительную аудиторию у экранов телевизоров, до сих пор провоцирует на споры серьезных киноведов и киномастеров. А то, что было лично выстрадано, картины, которые он снял наперекор социальному заказу, партийным директивам и догмам, по своему желанию, по своему хотению, с душевными муками, с сердечным надрывом, — экранизации Достоевского «Идиот» и «Братья Карамазовы» — забыты и почти не востребованы современной аудиторией. Отчего так?

Жизнь его сломала дважды. В первый раз в 30-е годы. Когда он собирался снимать «Мертвые души» по сценарию Михаила Булгакова, а снял «Партийный билет». Во второй — в 60-е, в пору оттепели. И оба раза через колесо. Впрочем, неправильно все сваливать на жизнь. И если бы она его только ломала. Советский художник, бывало, сам себя ломал решительно и с чувством глубокого удовлетворения.

Два комедиографа. Александр и Пырьев в нашем кино — как два канделябра на письменном столе, образуют пару. Один стал поэтом показательной горожанки, другой адептом столь же

Кадр из фильма «Трактористы»

показательной крестьянки. Один певец колхозной коммуны, другой — городской. У них была общая кровеносно-сосудистая система — музыка Дунаевского и песенное стихотворчество Лебедева-Кумача. Они стали в художественно-творческом отношении на определенном исторический период сиамиками близнецами. Период этот (30-е — 50-е годы) зовется сталинским.

Мы помним сталинских наркомов — знаменитых отраслевых начальников, сталинских соколов — летчиков-испытателей. Были и сталинские режиссеры. Пырьев, как и Александров, входили на свое счастье и на свою беду в их когорту. Вождь покровительствовал кинематографу, который был для него поистине важнейшим из искусств. Правда, по иным причинам, нежели те, которые имел в виду другой вождь. Не потому, что кино в безграмотной огромной стране могло поспособствовать ее просвещению. Потому, что кино оказалось самым эффективным способом мифологизации шестой части суши.

Эйзенштейн, Пудовкин, Довженко, Вертов создавали легенды о революции и гражданской войне; братья Васильевы, Козин-

цев с Траубергом — о народе; Ромм и Юткевич — о Ленине; Чиаурели — о Сталине. Пырьев и Александров — о будущем. То есть о рае на земле, куда можно попасть либо через нарисованный очаг в каморке Папы Карло, либо через спроецированное на полотно экрана царство изобилия и оптимизма.

Эквилибристы. Того, кто работал в Пролеткульте, числили новатором. Это почетное звание. Потом «новаторов» переименовали в «формалистов». А это уже граничило с преступлением. Там же под водительством Эйзенштейна начинал и Григорий Александров. Оба овладели искусством хождения по канату в прямом смысле. Искусство хождения по канату в переносном смысле пришло к тому и другому мастеру несколько позже. И Пырьев, и Александров участвовали в знаменитом пролеткультовском спектакле «Мудрец». После развенчания и разгрома пролеткультовских начинаний оба подались в кино. Александров, прежде чем снять свою первую искрометную комедию «Веселые ребята», поработал ассистентом у Эйзенштейна от «Стачки» до «Мексики». Пырьев, прежде чем отдаться ко-

медиям, снял несколько значимых для себя картин: «Посторонняя женщина», «Государственный чиновник», «Конвейер смерти», наконец, роковую для себя ленту «Партийный билет».

Ни в каком, пожалуй, другом фильме того времени не торжествовала столь полно идея нового человека. Человека, у которого партийная идея должна быть не рядом с сердцем, не на сердце, а вместо сердца.

Потом, спустя десятилетия, драму своего романа с советским режимом Пырьев прочувствует сполна, увлекшись Достоевским и его «Братьями Карамазовыми». Спустя годы он вспомнит, какую цену платит человек за перевоплощение не на сцене, не на съемочной площадке, а в жизни. Как в умственной, так и в сердечной. Иван Карамазов, не лишенный литературного таланта и игры воображения, в молодости написал статейку о церковном суде, которая равно пришлась по душе и церковникам и атеистам. И те и другие его сочли за своего. Вчера «Партийный билет» смотрелся как манифестация и проповедь коммунистического деспотизма, а сегодня смотрится как его разоблачение.

Кадр из фильма «Кубанские казаки»

Именно с этой картиной режиссер перешел некий рубеж в своем внутреннем развитии. С нею свершился акт самоотречения, после которого он уже смог легко и без каких-либо внутренних колебаний отдаться делу мифотворчества, следствием которого и явились знаменитые пырьевские комедии. Споры, продолжающиеся и по сей день, о том, что такое «Кубанские казаки»: лакировка действительности или всего лишь кинооперетта — мимо сути.

По ту сторону мифа. Суть в том, что его комедии — модель особого мироустройства, где нет места для отдельного человека, живут только представители коллективов и национальностей. В «Богатой невесте» одна бригада женится на другой бригаде. В «Свинарке и пастухе» Северный Кавказ влюбляется в черноземную Россию. В «Кубанских казаках» передовой колхоз вступает в matrimониальные отношения с еще более передовым. Это не иде-

ализированная действительность. Это другая, особая действительность, где отдельный человек настолько закабален, что чувствует себя абсолютно свободным. Сбылась мечта Великого инквизитора, заключавшаяся в том, чтобы, как сказано у Достоевского, осчастливить «стадо слабосильных существ». От того мифомыры как Пырьева, так и Александрова сохраняют и сегодня для слабосильной части человечества обаяние и привлекательность. По ту сторону мифа человек свободен от себя. Как героиня «Светлого пути», летающая над Москвой, над страной, над миром.

Вход в мифомир стоит рубль, а за выход приходится платить безмерную цену. Пырьев после оттепели пытался выйти из состояния невесомости. Он нагружал себя рефлексией Достоевского. Ноша оказалась непосильной. Его не стало в 1968 году. «Карамазовых» он не закончил. Ну, так ведь их не закончил и Достоевский.